

Тупорылый зверь пожирал ночную трассу. КАМАЗ был новый, но уже обкатанный. Столбы света сверлили тьму над пустынной лентой асфальта, триста лошадей, впаянные в мотор, утробно рычали под подошвами дальнобойщика, наматывая на колёса по сотне километров в час. Уютно посапывал на поворотах гидросилитель руля.

Свезло Степану Гмыре. Напарник непонятным образом не прошёл медицинский барьер перед рейсом. А, значит, рейсовый прибавочный навар стечёт в один карман – Гмырин. Само собой, тысчонку за риск завгару: запретный выпуск в рейс без напарника сулил приключения его отважному заду.

Не ведал Степан подлинной причины подобной отваги. С неделю назад всочилась в завгаровский кабинет серая личность и настоятельно посоветовала взломать каноны. То есть пускать в рейсы по одному. Более того, брать по дороге пассажиров и скачивать с них деньгу. Но с условием: после рейса отправлять дальнобойщика в их контору – для приятной и ласковой беседы. С тем и растворился спецпосланник в липкой непонятности визита.

Рейс завершался и был для Гмыри пока, тьфу-тьфу, фартовым. Полторы тысячи километров от Волги до Крыма, разгрузка дизельных агрегатов на Керченский паром, полторы тысячи – обратно. Делов, всего-то, на пять дней, и двадцатник в кармане. ГАИшники за три остановки отсосали пока две тысячи, а впереди глухая, стерильная от ментовских сосунов ночь и последние часы до дома.

Хромой, обросший дремучим власяным мохом дед с бельмом на глазу запросился в пассажиры на стоянке у Саратова.

– Тебе куда? – готовя отказ, хмуро выцедил водила. Нечто громоздко-лысое, затёртое до дыр, опущенное бытием до бом-

жового плитуса стояло перед ним, источая тошнотный запах тлена и давно немытого тела. Оно держало под мышкой ободранный, пузатый, явно со свалки, получеодан, полупортфель. Широченные внизу, обтёрханные до бахромы штанины напрочь закрывали обувь. Зуб на холодец, там вросли в земной прах родичи портфеля – стоптанные кроссовки с той же свалки.

Старик поднял на Гмырю бельмо глаза. Второй пиратски сверкнул из-под белёсого, надорванного века – как из засады. Дальнобойщик дёрнулся: в голове будто спицей ковырнули.

«Ё-о-о, моё-ё-о-о... что с мозгами?! Приеду, сразу же под томограф».

Ещё раз ощупал взглядом старика, зябко передёрнул плечами:

«А чтоб тебя... прямо Квазиморда... из какой-то богоматери».

– Из Парижской, – тускло подсказал дед.

– Чего-о? – озадачился ошарашенный Гмыря.

– Подброшишь до места? – шепеляво свернул к делу настырный собеседник.

– Мы не богадельня, – вызрел в шофере окончательный отлуп – ГАИшники оборзели, за пассажира обдирают до костей. Таксу нашу рисковую знаешь? Тебе куда?

– Куда и тебе, Ваше превосходительство, – прогундосил старик и стукнул костяшками пальцев по региону на номерном знаке : «163».

– Это ты мне? – не понял шофёр «Вашего превосходительства».

«Во сука... издевается, что ли, ископаемый дурик?!»

– Как вы могли такое подумать, Ваше шиятельство? – опростался скорбной укоризной проситель.

Гмыря свирипел. Свирепость выдала несусветное:

– До Самары, говоришь? Готовь две тыщи, – жажнул дикой цифирью, что молотом по лбу, полагая оглушить и отпихнуть старика с его заскоками и жалкими грошами.

Бомж сунул два пальца в карман, достал красненький пятитысячник. Согнул напололам и опустил деньгу в карманную щель комбинезона водителя.

Гмыря остолбенел, но быстро прикинул: два куба обрезной доски и оцинковка на крышу дачи – в кармане. О таком и не мечталось.

– Чего стоим, дедуля? – растёкся уважением по приبلудному Рокфеллеру «Ваше шиятельство». – Лезем в кабиночку, портфельчик под ноги и кайфуем часов пять. За жизнь в нашем

раздолбанно-пятнадцатом году культурно побеседуем. Отчаливаем через десять минут.

Неиспытанный доселе холодок опасности вползал в Гмырю: чем-то нездешним, некоей властью не от мира сего тянуло от пассажира – как ледяным сквозняком из щелястой форточки в лютую зиму. Но грела душу красненькая бумажка в кармане, не отказываться же от такого согрева из-за опасений.

Трасса уходила крутым извивом в развал леса. Дремучие стволы вздымались в бездонность тьмы с обеих сторон. Свет фар выхлёстывал из ночи белёсую пятнистость берёз, медные свечи сосен. Гмыря истекал возбуждением: вздрючивали приворок в нагрудном кармане и жуткая аура обступившего бора. Пассажир, прихватив с собой беременный портфель, то затихал, то ворочался сзади, за занавесками в спальнике, кряхтел, взмыкивал, что-то шепеляво бубнил. В свой спальник, эту священную обитель, дальнбойщики пассажиров никогда не пускали. Тем более – таких. Но дед прямо вырвал эту привилегию из водительского горла – не смог Гмыря отказать, более того, сам предложил. Была причина. Полез он перед этим в житейскую суть пассажира.

– Дед, а можно нескромный вопрос? Откуда такие тугрики? Чем промышляешь?

Старик полез в портфель, достал флейту. Приложил к губам. Маслянисто острый звуковой стилет вошёл в сердце водилы. Флейта пронизывала насквозь, ластилась, бережливо и нежно обволакивая воспалённые уродства дальнбойного бытия: изводящую ревность к похотливой, как дворовая кошка, жене, наглый нахрап ГАИшников на дорогах, банды дорожных «чистильщиков», предметно знающих, что везёт фура, надорванные кишки при сменах проколотых скатов, дикая усталость и хронические недосыпы на ночных трассах. Гмыря обмякал, отпотевая душой, когда-то изгнанной из домашнего рая.

Старик спрятал дивный инструмент в портфель и окончательно закрыл нестыковку между обликом бомжа и обильной деньгой в карманах:

– Пока тепло, мотаюсь по городам, даю концерты на вокзалах, в переходах, у филармоний. Туда мне, лауреату, доступа нет. Дочь с зятем квартиру отсудили, меня на улицу выставили, в бомжи. Подают прилично... к этому еще бы ночёвки помягче... на вокзалах отлежал бока... самое паскудное – менты житья не дают.

Водитель сплотнул комок в горле:

– Разбередил ты меня, дед... давно так не сиропился... слышь, полезай в наш спальник, пара часов есть, покемаришь по-человечески.

Через час дед заворочался – пробудился.

Гмыря, тараща глаза, сбрасывал ярмо сонной одури. Прервал тишину ошмётками баек, коими набряк лес, облапивший трассу мёртвой хваткой.

– Товарищ лауреат, ты что-нибудь про этот бор слыхал?

То ли стон, то ли всхлип высочился из спальника за спиной:

– По...де...ли-ись.

«Твою дивизию... ещё окочурится, бедолага, раньше времени... скорей бы город».

– Так я про эту чащу. Раньше сюда батя с маманей за грибами, ягодами снаряжались. Этого добра здесь навалом, полные багажники привозили. А лет десять назад то ли вояки, то ли ФСБэшная спецуха в самой глубине обосновались: колючка, стенки из шиповника, заградсистемы, следовая полоса и всё такое... а года два назад в лесу звериный дурдом образовался. Теперь в эти места никого калачом не заманишь.

– Что так?

«Вроде бы оклемался маэстро».

– Да уж маленько полегчало, поспал, – согласился дед за спиной – так что там за дурдом образовался?

Зябким ознобом крылась спина у дальнобойщика – шарил в его голове пассажир с какой-то нечеловеческой лёгкостью, как в своём холодильнике. Чую затылком истекающее от старика излучение, продолжил:

– Дикая тварь расплодилась такая, что не дай бог в одиночку встретить. Вороны – с баклана размером, по-кошачьи орут... поросята рогатые бегают, Тимоха Зуев клянётся: сам видел. А в болоте вообще жуть сатанинская. Что про это думаешь, дед?

Сзади не ответили. Сменилось молчание шипением руля на долгим, минуты на две, левом повороте, оттянувшем всё внимание Гмыри.

– И сколько Тимоха в лесу на грудь принял? – густым рыком спросил кто-то справа.

Гмыря повернул голову. Шарахнулся к дверце, крутанув руль. Под ногами истошно взверещали скаты, КАМАЗ повело юзом, затрясло в зубодробительной лихорадке. Пассажир перехватил, с силой вывернул руль и выровнял машину. Хозяин кабины, влипнув в дверцу, затравленно смаргивал, переваривал

в полуобморочном ступоре катаклизму, от коей свернуло набекрень мозга. Рядом высился, смотрел на него цепким зраком неизвестно как проросший в кабине иссиня бритый битюг лет пятидесяти. Над защитного цвета комбинезоном кольцевал бычью шею чёрный обруч свитера. Седая шевелюра над крутым лбом торчала дыбом.

– Ай-яй-яй, – озабоченно рокотнул гость, не отпуская руля, – поистрепались нервишки, Степан Изотыч. Дорулился в одиночку до чертей в глазах. Ну-ка, тормозни.

– Ты... вы кто?! – выцедил сквозь горловой спазм Гмыря, сворачивая на обочину.

– Некорректный вопрос. В ваш век материализма и эмпириокритицизма, точнее – век двуногих шакалов, на него не отвечают. Или отвечают, но труп, который не проболтается.

– Какому... т-трупу?! – Крылась спина водилы ледяными мурашками.

– Мертвому. Вам, Степан Изотыч, отвечу, как труп, живому. Я шпион.

– А где... дед? – мучительно выламывался из махрово и грозно цветущей чертовщины Гмыря, скособочил голову, пытаюсь заглянуть в спальник за спиной.

– Где ему быть. Притомился старец, фортуной ушибленный, опять отключился, пребывает в объятьях Морфея.

Пассажир развернулся, раздвинул занавески перед спальником. Гмыря узрел в полутьме деда, ставшего вдруг невероятно драгоценным, сердечно уютным в своей бомжовой реальности. Старик лежал на боку, скрючив громоздкое тело, укрывшись с головой одеялом.

– А ты... вы откуда? Мелкая ледяная дрожь, зародившаяся в груди, расползлась по телу дальнобойщика.

– Второй некорректный вопрос. Но продолжим исключение: я из Америки. Если ссуммировать два конфиденциальных мегабайта – в этой кабине нагло материализовался и морочит вам голову американский шпион, прохиндей не от мира сего.

Шофёр цепенел в накатывающемся обмороке.

– Э-э, милейший, да ты совсем раскис. Глуши мотор, выключай фары, аккумулятор посадишь.

Гмыря повернул ключ. В провальной тиши потянулся к панели. Пальцы елозили по клавишам, не находя выключателя фар. Пришелец прицелился, ткнул клавишу. Столбы света перед машиной, упирившиеся в ствольную чащобу, рухнули. В обвалившейся на машину тьме, настоящей на утробном безмолвии,

возбужден ветряной посвист. Ветрило шнырял за герметичным мирком кабины, егозливо посвистывал в железных щелях КА-МАЗа. Планета, как обгрызаемый финансовыми крысами полутруп в космической прожекторской, корчилась в наползающем небытие.

– Время итогов, шеф. Ваша работоспособность как водителя ноль целых пшик десятых. Ваши дальнейшие действия логически неизбежны: тотальный отдых со всей привальной атрибутикой. – Возник в сознании Гмыри голос.

Два сбесившихся желания буйствовали в голове шофёра: домо-ой, где много ледяной водки! И чтобы испарился кошмар, облепивший его удушливым коконом.

– Ехать надо... до дома час остался! – простонал подопытный, вжимаясь в железную, реальную и надёжную дверь.

Пришелец закинул ногу на ногу, задумчиво усомнился:

– Надо ли рогатому домой? Вот вопрос всех времён и народов. Воспользуйтесь советом, Степан Изотыч, я их даю нечасто на бытовом уровне, вне чертовщины и сайентологии. Вам домой категорически не нужно.

– Надо! – упёрся рогами Гмыря. «Домо-о-ой! Водки!!!»

Пришелец вздохнул. Вытянул губы трубочкой, засвистал арию Герцога из «Риголетто».

– Как знаете, дражайший... я предупредил. Теперь вскрываем ситуацию хирургическим скальпелем. Это больно, но целебно. Вас не ждут дома, шеф. Людмилу Марковну от мерихлюндии и одиночества утешает сосед Вася Зюкин. Утешает, в отличие от вас, напористо и мастеровито. Зачем вам убыточный мордобой? Вася занял у вас пять тысяч. Так не отдаст ведь, подлец, мордобоем оскорблённый. Ку-ку... шеф... вы меня слышите?

Гмыря не слышал. Его глаза, налитые всклень болотным ужасом, впились в ногу гостя, заброшенную на ногу. Из-под штанины взблёскивало лаковой чернотой раздвоенное, здоровенное копыто. Пришелец проследил взгляд водилы, согласно покивал головой:

– Да-да, кошмарит с непривычки. Но, милейший Степан Изотыч, согласитесь, подобная обувь несравнимо практичнее вашей. Не изнашивается, не требует ремонта, и универсальна для всяческих природных безобразий: от дождя и слякоти на земле – до трескучих морозов во время прогулок в стратосфере. Прошу прощения, заболтал вас. Ваша дальнобойная сущность оглушительно вопиет о потребности выпить. Почему бы и нет перед сном?

Пассажир сунул руку за спину, достал бутылку беленькой, протянул её изнывшему в грозной маяте Степану:

– Вот она, радость ненаглядная. Примите от души. И всё затянется розовым туманом. Проспитесь, и – домой, в абсолютном одиночестве, к заждавшейся супруге.

Гмыря глотал из горла, в глотке булькало, зубы стучали о стекло. Гость озабоченно фиксировал стремительно падающий уровень пойла. Остановил процесс на последней четверти.

– Стоп! Настоятельно советую прерваться, утром промиле зашкалит до безобразия. Вам жутко хочется спать, товарищ гой. И ещё одного хочется: уйти с работы. Не болтая лишнего исчезнуть из города и разводиться пчёлкой в соседней Калиновке, на пару с загадочным друганом Заболотным. Милейшее дело, уверяю вас, и куда более доходное, чем вертеть баранку. А теперь спать!

Отнял бутылку, завинтил пробку, положил рядом. Чугунная тяжесть неодолимо смыкала веки дальнобойщика. Он дал им волю, закрыл глаза, откинул голову на подголовник. Чёрный, стерильный от всяческих переживаний эфир втёк и заполнил всё тело. Мир съёжился в булавоочную головку, затем в игольное остриё и исчез в бездонной тьме. Пришелец приподнял веко соседа: тот спал мертвецким сном. Пассажир раздвинул занавески спальника. Сдёрнул одеяло с куклы «старика», сложил в портфель бомжовую одежду, заправил постель. Затем сунул пальцы в карман Гмыри, выудил пятитысячник. Стащил с ноги копыто, сунул его в портфель – там лежало еще три таких же. Дело было сделано.

Пассажир вышел из кабины в ночь. Лесная чащоба – гигантское и родное до боли чудище, где ему когда-то заботливо втыкали лезвие ножа в ладони и рвали кожу шиповником – это чудище зазывно дышало в него материнской, озоновой свежестью. И он пошел в объятия дремучей Альма-матер.